

УДК 903.2: 391

Н.П. Макаров, М.С. Баташев

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ РЕКОНСТРУКЦИЙ ПРОЦЕССА ЭТНОГЕНЕЗА КОРЕННЫХ НАРОДОВ КРАСНОЯРСКОГО СЕВЕРА

Проведена попытка археолого-этнографических реконструкций процесса этногенеза коренных народов Красноярского Севера. Дан краткий историографический обзор подобных реконструкций. На основе новых археологических материалов из районов Северного Приангарья и Нижнего Енисея предлагается авторское видение процесса этногенеза коренных народов Севера Приенисейского края. Делается вывод о череполосном проживании с эпохи неолита разных по происхождению этносов, где Приенисейский край являлся естественной территорией соприкосновения праюкагиров и других народов уральской языковой группы с прототунгусами, кетами и другими южными и восточносибирскими по происхождению этносами.

Ключевые слова: археология, этнография, этногенез, Красноярский Север.

Вопросы ранних этапов этногенеза народов Сибири были и остаются одними из самых сложных как в теории, так и в практике археолого-этнографических реконструкций. Тем не менее, касаясь вопросов происхождения коренных народов Красноярского Севера, исследователи разных поколений неоднократно обращались к археологическому материалу. При этом сразу отметим, что археологические источники для Севера Красноярского края по-прежнему остаются малочисленными [1. С. 14]. Лишь для Северного Приангарья, в зоне затопления Богучанской ГЭС, в 2006–2012 гг. получены сотни тысяч артефактов разных эпох, позволяющих еще раз, на новом уровне источников, обратиться к вопросам реконструкции процесса этногенеза дорусского населения этого региона [2. С. 466–470] и Нижнего Енисея.

Как известно, Средняя Сибирь была той территорией, на которой окончательно сформировались нганасаны, энцы, долганы, западные эвенки, кеты, некоторые этно-территориальные группы селькупов, якутов и ненцев, тофалары. Выявление составных элементов конкретной этнической культуры, истоков ее происхождения уводит исследователей в отдаленные времена, на тысячи лет в прошлое. Но в эпохе палеолита мы не можем найти никаких следов известных нам языков. Методы современного языкознания пока не позволяют проникнуть вглубь веков далее, чем на 5–6 тысяч лет.

К настоящему времени большинство историков разделяет точку зрения В.Н. Чернецова о формировании уральской языковой семьи (древних уральцев) в Зауралье и на юге Западной Сибири еще в мезолите и раннем неолите [3. С. 405–410; 4. С. 23–25]. Многочисленные примеры этнических и культурных связей для неолитических племен

Среднего Енисея приведены в публикациях А.П. Окладникова [5. С. 26–55]. Эти уралоязычные группы, расселившись к востоку от Енисея, оказались в определенной изоляции от своих западных соседей и сородичей, что и стало отправной точкой для этногенеза юкагиров [6. С. 24]. Археологический материал раннего неолита указывает на преобладание в Северном Приангарье и Красноярско-Канской лесостепи влияния восточносибирских культур. Это наиболее древние сосуды с техническим орнаментом сетки-плетенки и оригинальная керамика так называемого посольского типа. Последняя зафиксирована на огромной территории Восточной Сибири от Посольской стоянки на Байкале, через цепочку памятников Северного Приангарья, до стоянок в Красноярско-Канской лесостепи, но практически неизвестна в Западной Сибири. Наиболее ранние даты посольской керамики по 14 С – 6530±60 л.н. и 6900±115 л.н. [7. С. 67–72].

Таким образом, начиная с раннего неолита, Енисей и Приангарье являются контактной зоной западносибирских культур древних уральцев и восточносибирских культур. Позднее, с распадом урало-юкагироязычной общности, неолитическое население Приангарья оформилось в виде части юкагирского этнического массива. При этом не следует прямо соотносить это население с собственно юкагирами. В процессе расселения предков юкагиров по огромным просторам Восточной Сибири вполне могли сложиться отдельные территориальные группы, с течением времени все более обособлявшиеся друг от друга как в культурно-хозяйственном, так и в языковом отношении. Вполне возможно, что в таких крупных регионах, как Прибайкалье, Приангарье, Эвенкия, Центральная Якутия, могли сформироваться отдель-

ные общности, хотя и близкие юкагирам, но, по сути, являвшиеся вполне самостоятельными этносами.

О присутствии юкагироязычного населения в Северном Приангарье говорят юкагиро-коттские и юкагиро-кетские языковые соответствия [8. С. 267]. Причем проживание в этом регионе юкагиров должно было быть достаточно длительным, так как енисейскоязычные народы появляются здесь достаточно поздно, не ранее эпохи бронзы. Если Таймыр, во всяком случае его восточная и центральная часть, на протяжении почти всей неолитической эпохи находился под влиянием восточносибирских культур, т.е. являлся контактной зоной для западно- и восточносибирских регионов, то утверждать о принадлежности территории современной Эвенкии к юкагироязычному ареалу пока нет достаточных оснований. Так, с одной стороны, здесь также имела распространение сетчатая керамика, характерная для восточносибирского раннего неолита, а, с другой, в III тыс. до н.э. начинают превалировать культуры с керамикой линейно-накольчатого орнамента, генезис которых связан с культурами Западной Сибири [9. С. 175]. Появление нового западносибирского населения к востоку от Енисея можно связывать с распадом уральского языкового единства в IV тыс. до н.э. и выделением из его среды финно-угорской и самодийской общностей. Видимо, самодийцы и были носителями культуры с керамикой линейно-накольчатого орнамента. А распространение подобной керамики на восток, по Ангаре и Подкаменной Тунгуске, показывает пути миграций древнейших самодийцев. Непосредственные контакты с ними юкагиров подтверждают и выявленные специалистами юкагиро-самодийские языковые соответствия.

В период бронзового века дифференциация культур Приенисейского края значительно усиливается. Основными причинами являются активация миграций, появление скотоводства и земледелия, географический фактор.

В эпоху ранней бронзы, на стоянке Боровое и других памятниках Красноярской лесостепи, керамические комплексы характеризуются сочетанием круглодонной посуды, еще сохраняющей неолитические традиции, и новых форм плоскодонных сосудов. Баночная форма, сплошная орнаментация тулова и дна сосудов сближают данную керамику с посудой окуневской культуры, свидетельствуя о южных культурных связях. В то же время появление на стоянках Казачка, Боровое, Усть-Дружиниха и других памятниках орнаментации сосудов гладкой качалкой и вогнутым ша-

гающим штампом свидетельствует о влиянии западносибирских культур [10. С. 149–171]. Напротив, для более северных районов Нижней Ангары яркие погребальные комплексы ранней бронзы находят аналогии в памятниках глазковской культуры Прибайкалья [11. С. 184–302].

С наступлением эпохи металла этническая ситуация, видимо, усложняется. В последней четверти II тыс. до н.э. на Таймыр с востока проникают носители ымыяхтахской культуры. Одни исследователи относят ымыяхтахцев к юкагирам, другие видят в них предков палеоазиатских народов и даже эскимосов, третьи говорят об этнической многокомпонентности данной культуры [12. С. 344].

В бронзовом веке усиливается культурная инфльтрация, а зачастую и миграция степного и лесостепного населения в таежные регионы. На севере появляются новые этнические группы, ранее там не встречавшиеся. В особой степени это касается енисейскоязычных народов. Точное время и место исхода енисейцев на север пока является дискуссионной темой. Н.Л. Членова утверждает енисейскоязычность носителей карасукской культуры [13. С. 225], С.И. Вайнштейн и Р.В. Николаев – тагарской культуры [14. С. 3–7], А.П. Дульзон и Е.А. Алексеенко – хуннского кочевого объединения II–I вв. до н.э. [15. С. 16]. В то же время на основании новых материалов из наиболее северных карасукских погребений в Красноярской лесостепи, авторы статьи пришли к выводу о недостаточности аргументации исследователей о генетической связи карасукцев и кетов [17. С. 235–248].

В оригинальных цепаньской [18. С. 161–183], нижнепорожнинской и шилкинской культурах [19. С. 68–76] раннего железного века Северного и Енисейского Приангарья, а также на памятниках Нижнего Енисея зачастую встречаются бронзовые изделия, находящие аналогии в кулайской культуре Западной Сибири. Среди них бронзовые массивные бесчерешковые наконечники стрел стоянки Чадобец, Усть-Тасеевского культового комплекса [20. С. 77–85] и могильника Усть-Зелинда 2 Северного Приангарья [21. С. 453–458]. Несколько бронзовых антропоморфных и зооморфных изображений в кулайском стиле найдены на Подкаменной Тунгуске [14. С. 5–6], а в могильнике Зелинда 2 – бляшки в виде стилизованных изображений птиц.

В конце I тыс. до н.э. и в первой половине I тыс. н.э. в Средней Сибири широко распространяется керамика с тонкими налепными и обмазоч-

ными валиками. В обзорной статье С.М. Фокина она отмечена от окраины Минусинской котловины Кизир-Казырской речной системы до Красноярска и Нижней Ангары, далее на север, по Нижнему Енисею, до Подкаменной и Нижней Тунгуски, территории Таймыра [22. С. 67–83]. Кроме того, валиковая керамика, в ее различных проявлениях, зафиксирована в Западной Сибири [23. С. 99; 24. С. 49]. В Приангарье подобная керамика найдена в погребении раннего железного века пади Цепань [25. С. 106–112] и существует вплоть до Средневековья. В Западной Сибири Н.В. Березовская датирует валиковую керамику VI–IX вв. н.э. [26. С. 270–271], а Ю.В. Ширин – концом I тыс. н.э. – XII в. [27. С. 186]. Как видим, отдельные типы сосудов валиковой керамики могут иметь более ранние, другие – более поздние даты. Так, в пещере Еленева, под Красноярском тонкие наlepные волнистые, а также обмазочные валики характеризуют средневековую керамику с радиоуглеродными датами 1400±50 л.н. и 1435±65 л.н. для культурного горизонта 2, а для горизонта 1 – 1050±30 л.н. и 1225±35 л.н. [28. С. 19–30]. Для территории Таймыра Л.П. Хлобыстин датирует керамику с тонким наlepным валиком – X–XII вв., считая возможным привнесение этой традиции с Восточной Сибири тунгусами [9. С. 176–177].

По поводу ранних этапов этногенеза эвенков общего мнения у исследователей пока не сложилось. В истории тунгусоведения известно несколько концепций: 1. Происхождение тунгусов связывается с автохтонным палеосибирским населением. 2. Тунгусы – автохтоны Сибири, но их «историческая прародина» располагалась в лесостепных и подтаежных районах южного Прибайкалья, верхнего Приамурья и на севере Монголии. 3. Ранние этапы формирования тунгусов проходили на территории современной Маньчжурии [29. С. 19–24]. Появление же тунгусов в центральных и северных районах Восточной Сибири представители двух последних гипотез относили к разному времени. Ю.А. Мочанов и В.И. Эртюков датировали проникновение тунгусов на территорию современной Якутии ранним железным веком, И.В. Константинов – началом I тыс. н.э., а А.Н. Алексеев – концом I – началом II тыс. н.э. [30. С. 41, 43]. В бассейн Енисея они проникали еще позже – в Среднее и Нижнее Приангарье с XII–XIII вв., а на Подкаменную Тунгуску, возможно, только к XV в. По предположению В.А. Туголукова, предшественниками тунгусов на Подкаменной Тунгуске и в прилегающих районах, вплоть до низовьев Ангары, были самодийцы [31. С. 68, 96].

В многочисленных погребениях XI–XII вв. могильника Проспихинская шивера, раскопанного П.В. Мандрыка в Северном Приангарье, керамика с обмазочными валиками полностью отсутствует [32. С. 183–185]. При этом, все погребения (более 80) произведены по обряду трупосожжения, что совершенно не характерно для тунгусских насельников. Таким образом, маловероятно, что керамика с тонким наlepным валиком привнесена тунгусами. Совокупность всех археологических материалов обозначенного могильника позволяет говорить о проникновении тунгусов в Северное Приангарье не ранее XIII в. Из возможных носителей этой традиции ближе всего для данной территории на этнической карте Средней Сибири оказываются енисейскоязычные племена.

Как бы то ни было, продвижение енисейцев на север прервало существовавшие прежде тысячелетние непосредственные контакты между восточно- и западносибирскими племенами. Саянские самоеды, юкагирияязычные и, возможно, сохранявшиеся восточные уральцы были отрезаны енисейцами от своих сородичей в Западной Сибири (уральцев, угров, самодийцев). На этнической карте Сибири в начале XVII в. клин енисейскоязычных племен простирался от северных склонов Западного Саяна на юге до р. Елогуй на севере [33. Вкладка].

С конца I тыс. н.э. уже явно начинают проступать те процессы, которые в результате привели к формированию современных народов нашего Севера. Образование степных империй, их внешняя экспансия сдвинули с мест проживания огромные массы соседних народов. Часть их выбрала северное направление и стала продвигаться в таежную зону. Для региона Средней Сибири особое значение приобретают с этого времени миграции самодийцев. В.И. Васильев выделяет два этапа проникновения самодийцев на север Средней Сибири [34. С. 173]. Первый датируется им IX в., а второй – XIII в. На новой родине пришельцы были вынуждены вступить в тесный контакт с местным, скорее всего уралоязычным, населением. Эти контакты с течением времени привели к ассимиляции аборигенов и их включению в формирующуюся родо-племенную структуру северных самодийцев.

Обобщая вышесказанное, еще раз подчеркнем, что источниковедческая база сибирской археологии для районов Красноярского Севера остается недостаточно информативной для воссоздания сложных этногенетических построений. Многие периоды древней истории народов Приенисейского края имеют значительные лакуны и нуждаются в дальнейшем накоплении источников.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Баташев М.С., Макаров Н.П.* Культурогенез таежных народов Нижнего Енисея. Красноярск: ООО «Кросторгтрей «LTD», 2000.
2. *Коровушкин Д.Г.* Богучанская археологическая экспедиция (трехлетние итоги) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы итоговой сессии ИАЭ СО РАН, 2010. Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2010. Т. XVI. С. 466–470.
3. *Чернецов В.Н.* К вопросу об этническом субстрате в циркумполярной культуре. Доклад на VII МКАЭН. М., 1964. С. 405–410.
4. *Симченко Ю.Б.* Некоторые вопросы древних этапов этнической истории Заполярья и Приполярья Евразии // Этногенез и этническая история народов Севера. М.: Наука, 1975. С. 148–185.
5. *Окладников А.П.* Из истории этнических и культурных связей неолитических племен Среднего Енисея (к вопросу о происхождении самодийских племен) // СА. 1957. № 1. С. 26–55.
6. *Симченко Ю.Б.* Ранние этапы этногенеза народов уральской языковой семьи Заполярья и Приполярья Евразии // Этногенез народов Севера. М.: Наука, 1980. С. 11–27.
7. *Макаров Н. П.* Керамика посольского типа в Байкальской и Средней Сибири // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Улан-Батор, 2012. С. 67–72.
8. *Топоров В.Н.* Библиография по кетскому языку // Кетский сборник. Мифология, этнография, тексты. М.: Главная редакция восточной литературы. 1969. С. 243–283.
9. *Хлобыстин Л.П.* Древняя история Таймырского Заполярья и вопросы формирования культур севера Евразии. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. 341 с.
10. *Макаров Н.П.* Хронология и периодизация эпохи неолита и бронзы Красноярской лесостепи // Известия Лаборатории древних технологий. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005. С. 149–171.
11. *Привалихин В.И.* Исследования погребений раннего бронзового века стоянки и могильника Сергушкин 2 в Северном Приангарье (зона затопления Богучанской ГЭС) // Второй век подвижничества: Красноярский краевой краеведческий музей. Красноярск, 2011. С. 184–302.
12. *Хлобыстин Л.П.* Бронзовый век Восточной Сибири // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987. С. 327–350.
13. *Членова Н.Л.* Соотношение культур карасукского типа и кетских топонимов на территории Сибири // Этногенез и этническая история народов Севера. М.: Наука, 1975. С. 223–230.
14. *Вайнштейн С.И.* К вопросу об этногенезе кетов // КСИЭ. М., 1951. Вып. XIII. С. 3–7.
15. *Дульзон А.Н.* Гунны и кеты: (к вопросу об этногенезе по языковым данным) // Изв. СО АН СССР. Сер. обществ. наук. Новосибирск, 1968. № 11, вып. 3.
16. *Алексеева Е.А.* Южносибирские элементы в культуре кетов // IX Международный конгресс антропологических и этнографических наук. М., 1973.
17. *Makarov N.P., Batasehev M.S.* Cultural origins of the middle Yenisei // Languages and Prehistory of Central Siberia. Western Washington University. 2004. P. 235–248.
18. *Привалихин В.И.* Цепаньская культура раннего железного века Северного Приангарья. История открытия, результаты и перспективы исследований // Второй век подвижничества: Красноярский краевой краеведческий музей. Красноярск, 2011. С. 161–183.
19. *Мандрыка П.В.* Новая археологическая культура раннего железного века в южно-таежной зоне Средней Сибири // АЭАЕ. 2008. № 3 (35). С. 68–76.
20. *Дроздов Н.И., Гревцов Ю.А., Заика А.Л.* Усть-Тасеевский комплекс на Нижней Ангаре // Древнее искусство в зеркале археологии. К 70-летию Д.Г. Савинова. Труды Сибирской ассоциации исследователей первобытного искусства. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011. Вып. VII. С. 77–85.
21. *Марченко Ж.В., Гаркуша Ю.Н., Гришин А.Е., Казакова Е.А.* Исследования на могильнике Усть-Зелинда 2 в 2012 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы итоговой сессии ИАЭ СО РАН, 2012 г. Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН. Т. XVIII. С. 453–458.
22. *Фокин С.М.* К вопросу о распространении средневековой валиковой керамики в Приенисейской Сибири // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции: Мат-лы XIV ЗСАЭЖ. Томск: Аграф-Пресс, 2008. С. 210–214.
23. *Беликова О.Б.* Среднее Причулымье в X–XIII вв. н.э. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1996. 272 с.
24. *Чиндина Л.А.* История среднего Приобья в эпоху раннего средневековья (рёлкинская культура). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1991. 184 с.
25. *Окладников А.П.* Погребение бронзового века в Ангарской тайге // КСИИМК. 1940. Вып. 8. С. 106–112.
26. *Березовская Н.В.* К вопросу о датировке валиковой керамики в низовьях р. Томи // Актуальные проблемы древней и средневековой истории Сибири. Томск: ТУСУР, 1997. С. 270–282.
27. *Ширин Ю.В.* Средневековые комплексы с желобчато-валиковой керамикой на юге Сибири // Этнос Сибири. Прошлое, настоящее, будущее. Красноярск, 2004. С. 182–189.
28. *Макаров Н.П.* Железный век и эпоха средневековья пещеры Еленева // Древности Приенисейской Сибири. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2012. Вып. V. С. 19–30.
29. *Туров М.Г.* Эвенки. Основные проблемы этногенеза и этнической истории. Иркутск: Амтера, 2008. 228 с.
30. *Алексеев А.Н.* Древняя Якутия: неолит и эпоха бронзы. Новосибирск, 1996. 144 с.
31. *Туголуков В.А.* Тунгусы (эвенки и эвены) Средней и Западной Сибири. М., 1985. 289 с.
32. *Бирюлева К.В.* Керамика могильника Проспихинская шивера IV // Археология, этнология и антропология Евразии. Исследования и гипотезы: Мат-лы докладов ЛП Региональной (VIII Всероссийской с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых, посвященной 50-летию гуманитарного факультета Новосибирского государственного университета. Новосибирск, 2012. С. 183–185.
33. *Долгих Б.О.* Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М.; Л., 1960.
34. *Васильев В.И.* К проблеме этногенеза северосамодийских народов // Социальная организация и культура народов Севера. М., 1974.